

Все написанное Сергеем Калединым легко уместилось бы в сравнительно небольшой однотомник. Все — в одном жанре: маленькая повесть (исключением выглядит разве что маленький роман "Коридор", который Каледин неизменно называет своей любимой книгой). Каледин печатается скупо, интервью дает редко и вообще не принадлежит к числу прозаиков, имя которых часто склоняют. Между тем его авторитет незыблем, его широко издают за границей, а ни один разговор о постсоветской литературе не обходится без упоминания "Смиренного кладбища" и "Стройбата". Спектакль "Гаудеамус", сочиненный и поставленный молодыми актерами из труппы Льва Додина под его художественным руководством по мотивам "Стройбата", получил неимоверное количество призов в Москве и за его пределами, а недавний его показ в Москве стабильно собирал полный зал Театра на Таганке. Столь редкостное соотношение количества и качества ставит много вопросов к каждой новой вещи Каледина. Его последняя повесть анонсирована журналом "Континент" и посвящена теме больной и вечной, русско-еврейской, избитой и по-прежнему неисчерпаемой.

См. газ. — 1996 — 21 февр. — Сергей КАЛЕДИН: С. 5.

"Писатель должен быть в себя влюблен безумно..."

— Сергей, каким вы не хотели бы выглядеть в этом интервью?
— Сибаритом, баринотом не хочу. Но и каторжником тоже. Дело наше простое, веселое, правда, волнистое, долгого сидения требует.
— Ваша новая повесть "Тахана мерказит" объявлена в "Континенте". Почему ваши последние повести и рассказы вашего сына, живущего в Израиле, печатаются там? Ведь "Континент", при всем уважении к нему, явно не входит в первую тройку самых читаемых толстых журналов, а слава ваша началась с "Нового мира".
— Да, "Новый мир" — альма-матер, там напечатаны "Смиренное кладбище", "Стройбат", "Поп и работник". Моим приходом туда командовал Игорь Иванович Виноградов, который потом стал командовать "Континентом", и я перебрался под его крыло. Он не только мой издатель, но учитель, который меня, сорокашестилетнего идиота, учит, где и как поставить запятую, чтобы сюжет выстроился. Редакторы других толстых журналов так фанатично с автором не работают.
— Вы опять выступаете с маленькой повестью. Что, роман написать не хочется?
— Да нет автора, не обуреваемого замыслом на "Вину и мир". Или хотя на "Хаджи-Мурата". Не получается. У одного длинное дыхание, у другого короткое. Один помнит, как герой разбегался и как сбросил через шесть страниц, а я не помню, башка слабая. Приходится довольствоваться в крайнем случае сотней страниц.
— "Тахана мерказит" — вещь, проникнутая почти идиллическим ощущением всечеловеческого родства. Вы здорово встряхнули меня финалом, в котором так внезапно угробили просветленного главного героя. Откуда это?
— Я и думал себя такой гимн всечеловеческому единству... Мне было бы страшно приятно сказать, что хором иудизм, хорошо христианство, магоматанство, — но не могу, у меня к каждой конфессии и концепции свои претензии. Никаких объединяющих идей нет и быть не может, есть человек и другой человек. И вот этот мой герой, Петр Иванович, бытовое антисемит, как и многие из нас, не закоренелый, не фанатичный, а так, по рождению и образу жизни, — проекажет по Израилю, проходит через иудизм, магоматанство и христианство и в конечном итоге понимает, что нет никаких верований, а есть люди, есть ощущение человечества как общего тела... И вот когда он это понял и оказался Christ перед Богом, всех понял и принял, — тут-то его и взрывает террористка-арабка. Можно сказать, что его гибель ужасна. А может быть, он и не смог бы жить дальше с сознанием этой чистоты и свободы... Трудно ведь представить, как бы он с этим поехал в Россию. Ему так жить не по плечу. Он понял — и погиб. Не хочу параллелей, но вот князь Андрей понял, что может простить всех, — и погиб. Как только герой дозрел до такого уровня понимания — все, он не жилец.
— Розанов говорил, что в русско-еврейской любви-ненависти — зерно всех мировых конфликтов, их предельное выражение. Вы поэтому отравили в Израиле классического русского путешественника и откуда тот русский бытовое антисемитизм, о котором вы говорите?
— Россия — страна безграмотная и холушская, в том смысле, что мы только лет двадцать в своей истории были свободны. Все остальное время под ярмом — татарским, царским, княжеским, коммунистическим. Задуматься некогда, так что этот антисемитизм не головной, не принципиальный, он именно что бытовое, и притом внушенный. Бедный русский человек ищет виноватого в своей неадекватности. До негра он не доберется, до американца не доберется, а еврей рядом, они буквы "р" не выговаривают, водки не пьют и называются иначе. На самом деле никакого идеологического антисемитизма в России нет, выработать концепции не остается ни времени, ни желания — надо на пайку зарабатывать, но когда правительство наступает гнобить жидов, русский к этому привыкает. Потому что жиды под рукой. А так — нет такого вопроса.
— Вы выдумали Петра Ивановича или это типаж из вашего ближайшего окружения?
— Сосед. А в Израиле его отпиривать уже мне захотелось. И даже не мне, а маме. Я вернулся из Бразилии, мать говорит: отвези меня на дачу. Отвез, собираюсь обратно, а мать мне: сел бы, написал чего-нибудь... Я говорю: дела в Москве! А она: какие дела, напиши лучше повесть. Хорошо, напишу, но ты уж тогда скажи, о чем писать? А вот, говорит она, возьми соседа. Мне малоовато сосед. Ладно, запусти его... ты в Израиле недавно был? — вот, в Изра-

ПОРТРЕТ С АВТОГРАФОМ

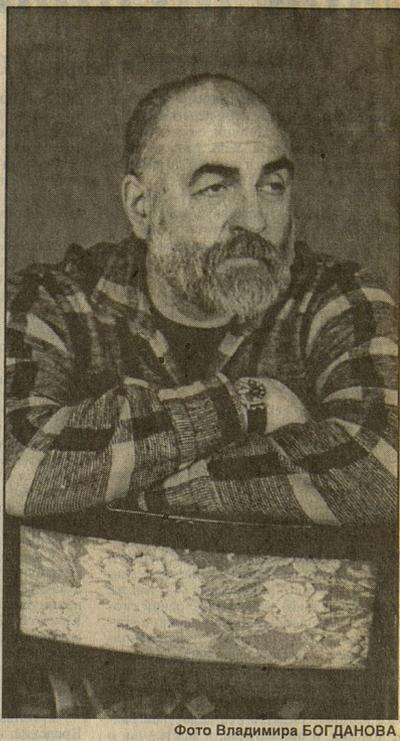

Фото Владимира БОГДАНОВА

язык, на котором говорит русская провинциальная интеллигенция, — но я в тот круг не допускаю. А речь посадского и свободского люда мне, кажется, известна, тут мы разговариваем на равных.
— Но это все еще ваша страна? Или вам сейчас уже проще сказать "эта"?
— Сейчас — "эта". Совсем не моя. Может быть, лет через десять — пятнадцать ландшафт как-то так изменится, что будет опять моя.
— А в наличие особого русского характера вы верите?
— Да, хоть и говорю иногда, что его выдумали Достоевский и Толстой. Есть русский характер. Хотя он формировался, что называется, от противного, от условий: бесшабашность — оттого, что живем одна и всегда неизвестно, что будет завтра. Пьянство — своеобразный код от действительности. Воинственная слезливость — от збитости, от невозможности реализоваться иначе. Иными словами, достоинство — не продолжение даже, а порождение недостатков.
— Вы, в отличие от большинства коллег, не играете ни в тяжелые "комплексы" по поводу профессии, ни в хроническое недовольство собой, ни в перманентную мрачность — у вас с самим собой какие-то весьма приятельские отношения. Писателю полезно хвастать себе отнюдь? И, кстати, как у вас с врагами?
— Приятельские отношения — это не то слово! Писатель должен быть в себя влюблен безумно, во время работы, конечно. Я не про самовлюбленность говорю, просто надо свою персону во время творческой беременности на руках носить.
А враги... откуда у меня враги? Это вопрос характера. Я не обидчив. Я по утрам до сих пор пою. Просто от радости: встаю и пою. Господи! родители уехали в сталинские времена, не тронули их мясорубки! Счастье? — конечно, счастье, иначе я бы не родился.
— Где вам лучше всего пишется?
— В деревне, десять домов, дым из труб... Ни одна моя вещь целиком в Москве не делалась. Лучше всего уехать километров за сто.
— Вы пишете мало или публикуетесь так скупо?
— Если я пишу сто страниц в год — это сказочно плодотворный год. Если больше — это будет розблудие.
— Ваша проза во всех критических разборах именуется "плотной". К кому еще вы могли бы отнестись сегодня это комплиментарное определение и как понимаете его сами?
— Если лишнего слова, лишнего эпизода не вставишь — как у Искандера, как в корейских сказках Кима, в "Новесте моря", например... Впрочем, плотность бывает разная. Вот Саша Коломоз тоже плотный пишет, и при этом километрами, а читать тяжело.
— Что вообще в литературе вызывает вашу наибольшую антипатию?
— Молеры, авангард, андеграунд. Будь я редактором толстого журнала, я бы, конечно, отнял пот это всё отдел, но на обложку пусть будет написано: к этим двадцати-тридцати страницам лично я никакого отношения не имею. По мне все это надо задушить при рождении в ляжках... но всякое дыхание славит Господа: пусть все будет. Чтобы писать хорошо, нужно, чтобы кто-то писал плохо. Отталкиваться. И коммунисты нужны, чтобы демократы помнили, что на каждом шагу есть веревка.
— Я слышал, что у вас задумана некая грозно-разоблачительная вещь о русском ПЕН-клубе...
— Не-ет, какие разоблачения! Она будет очень веселая. Я уж написал ее наполовину. Тамашная жизнь, типажи. Что ж писать "Театральный роман" — так сказать, уже написан "Вертер", да и потом, чтобы так писать о театре, надо серьезно к нему относиться. А я не так отношусь к русскому ПЕНу.
— Кто составляет круг вашего общения?
— Другой у меня было много. Но один подался в Швецию, второй записался в монахи, третьего сбил автобус. Остался Наум Ним, ему, кстати, и повесть посвящена...
...Каледин все делает с аппетитом: ест, пьет, говорит. Аппетита этого не сыграть, притвориться невозможно. Беседа шла за столом, а потому и скакала с прыжками на десятое, не придерживаясь четкой схемы. Думаю, что такой она и должна оставаться. При малейшей попытке систематизации уйдет то, что отличает русскую застольную беседу, что сообщает ей вкус, — а именно непоследовательность, необязательность. Поэтому я и оставил все как есть. Для аппетита.
Беседа вел Дмитрий БЫКОВ

Экскурсия на Голгофу

Отрывок из повести "Тахана мерказит"

— Папа, — Мири подняла руку, как в школе. — Можно я с Басиним пойду в Старый город?
— Миша положи руку дочери на плечо.
— Значит, так. Идете в Старый город. Покажет Гефсиманский сад. Крестный путь. Стену Плача. Повтори.
— Мы покупим...
— Вы ничего не покупайте! — нахмурился Миша.
— Мы ничего не купим. Васин будет молиться в Стену Плача...
— Не надо ему молиться в Стену Плача! — рассердился Миша.
— Просто покажетесь. Потом где Иисус ходил.
— Не надо ему молиться в Стену Плача! — повторила Мири.
Миша кивнул. А Петр Иванович уточнил на всякий случай: — Главное, где Иисус с мучениками ходил непосредственно. Подозрительными, напряженными взглядами провожали Васина с Мири дворовые евреи. Очаровательный рыжий пацан лет пяти, еще без очков, но уже с длинными до плеч пейсами, подбежал к Мири и что-то залопотал ей угрожающе. Мири показала ему язык. Пацан, явно озадаченный, запахал пац в нос и тоже высунул язык.
— Ми-ри-и! — донесся сверху голос Мишки.
— Чего? — крикнул Петр Иванович, задрал голову.
— В арабском квартале поаккуртаней как-нибудь...
Ну и город! Что за город! Улиц не было вовсе. Они шли по проезжей части шоссе, серпантинном спускавшемся с верхотуры в котловину, к центру. Правда, и машин не было. Солнце липло в темя, но Петр Иванович предусмотрительно надел шляпу. Пальм не было, зато по обочинам росли кактусы в человеческий рост, кололоче, как положено.
— Здесь можешь раздеться себя, — сказала Мири, — а в Старом городе надеть.
Петр Иванович послушно снял рубашку, сложил ее, как в прачечной, убрал в пакет.
— Зачем тебе это? — она ткнула пальцем розочку-татуировку на плече Петра Ивановича.
— Это когда я был в неволе, мы так делали. В тюрьме.
— Зачем ты был в тюрьме?
— Побил одного... Негодяя.
Жара была не жаркая, с ветерком, прям-таки курортная. Иерусалим раскинулся по далеким огибающим холмам бело-розовыми долами, похожими на россыпи камешков. Дома иной раз вырастали из ущелий, возле обрывов.
Неожиданно из-за поворота завиделся Старый город. В самом центре его горел на солнце золотой купол.
Петр Иванович остановился.
— Гроб Господень, — хрипло прошептал он, засовывая незажженную папиросу в карман.
— Менять Омара, — бесстрастно поправила его Мири, продолжая рассматривать пронзенное сердце на другом плече. — У нас тату делают цветные. Хочешь, и тебе сделают? Я буду делать на моей ноге здесь. — Она задрала юбочку. — Посмотри. Я буду делать тут, у-у, как ты по-русски... Багетфляй с крыльями, такую... бабочку.
— Яжгу-то, зачем портить? — буркнул Петр Иванович. — Где ж Гроб Господень?
— Я не знаю, — пожалала плечками Мири. — Храм царя Соломона сломан Наууходоносор... Посвистуй еще.
— Хрен с ним, с Соломоном. Гроб Господень должен быть непосредственно...
Странное дело, они были уже недалеко от центра города, а где-то рядом бляхали овцы, козел вроде замекал...
— Пойдем через Лызины ворота, — сказала Мири. — Здесь наши парашютисты на танках в Старый город поехали и катались здесь дней сто войны...
— Здесь Иисус Христос на ослике въехал! — наобум перебил ее раздраженно Петр Иванович. — А вы его распяли непосредственно...
— Не знаю, — капризно изогнула губы Мири. — Танки катались и победили арабов...
— Так уж и победили? За шесть дней? Почему это?
— Потому что евреи самые умыльные и самые сильные. Как ты. Ты рубашку сделай. — Она достала из рюкзака пакет.
— Самые умыные, главное дело, — бурчал Петр Иванович, заправляя рубашку. — Арабы во математике выдумали, спирт, порох...
— У тебя рубашка сзади не так... — Мири обшла его и засунула в брюки незабранный кусок. — Порох китайцы выдумали. Ты покупай мне айскрим?
— Кого?
— Лед сладкий. А себе ты купишь биру, пиво.
На площадке перед воротами с лыжными мордами лежал плешивый оседланный верблюд. Он жевал вхолостую, по привычке.
— Ближе не подходи, — Петр Иванович взял Мири за руку. — Оплетет.
К верблюду подошла толстая туристка с фотоаппаратом. Ее забытый фотоаппарат просиял Верблюд даже башки не повернул в ее сторону. Туристка забралась на него, верблюд по частям подыался и, покочившая худыми, развалившимися в разные стороны горбами, медленно побрел по пыльной площадке ведомый под узды арабом в белом длинном плаще.
— Мы можем идти, где Стена Плача или где ваш Иисус Христос гулял с мучениками.
— Куда ближе?
— И туда, и туда. — Мири сосала розовое прозрачное мороженое и, глядя на него снизу вверх, терпеливо ждала ответа. Петр Иванович решил поощрить девочку, устала ведь.
Пришел на коротком спинной к туристам, плюнул на ладонь и ребром другой ударил по плечку — туриста метнулся вправо.
— Мы в ремеслух так вопрос решали непосредственно — куда летит, туда идем.
Мири вытерла задетую плечком щеку и сама повторила процедуру. Маршрут указал лег вправо.
— Стена Плача, — сказала она.
Дорога к Стене Плача шла кривенькими улочками. Мимо сновали туристы, то и дело сворачивая в бесчисленные лавочки, набитые медной посудой, побрякушками, сластями, кожаными изделиями, преимущественно ярко-рыжими. Лавки располагались не на самих улочках, а в выдолбленных стальных нишах. Снаружи висела только мелочевка, чтоб не мешать проходу: цветастые платки, косынки, шарфы...
Продавцы зазывали покупателей, но невелико как-то зывали, будто трудулен отравывались. Никакой ожидаемой Петром Ивановичем восточной активности. С чего же они тогда навар делают? Может, наркотой приторговывают?..
От запаха пряностей, приправ, маринадов, кофейного духа пошпыльвало ноздри. Петр Иванович старался держаться солидно, особо не балдеть. Хотя, конечно, неплохо было бы распробовать про эти приправы, чему соответствуют по-русски. Может, и прикупить чего-нибудь. Соления у Петра Ивановича стояли крутые, до лета, но можно было б разнообразить.
Стену Плача сторожил солдат. Он стал проверять Петра Ивановича машинкой. Тот усмехнулся.
— Зачем вы смеетесь? — по-русски спросил солдат. — У нас есть террор.
— Екого террор? — презрительно спросил Петр Иванович. — В них? — он кивнул на евреев, расхаживающих в молитве у Стены Плача.
Стена была с трехэтажный дом. Серая, изъеденная временем, нрздравата, как пемза. Слева молились мужики, справа, за оградой, — женщины. По стене расхаживали автоматчики. Чуть в стороне из выкопанных котлованов высывались опалубочные торжки искили старину.
— За Стеной горел купол мечети Омара.
— Вам арабский Иерусалим, — сказала Мири притомленным от затнувшегося гуляния голосом.
Петр Иванович остановился метрах в десяти перед Стеной. Дальше не пошел: не хотел менять шляпу на дурацкую картонную тубейку — кипу, которые брали посетители в коробе с той стороны забора при входе.
Петр Иванович закурил, облокотился на заборчик.
Ранний возраст стоял у стены, что с книжками, что без. Но все как один подергивались верхней половиной тулова туда-сюда, вперед-назад, даже смотрят невольно. Причем песен, псалмы там, — не пели. Вдохомуты дергались. Ихнее дело. А у нас с вами, как всегда, воем гамузом мусолет, тоже не каждому по нраву. А этим вот подержать хочется, ну и пусть себе...

В Стену, на высоте человеческого роста, в трещины, выбоины вставлены были свернутые бумажки. Наверное, как у нас: за здоровье, за упокой? Типа молебна. Только здесь без пола, прямо Господу Богу адресуется непосредственно. Это правильно. И короче.
Насмотревшись на Стену, Петр Иванович неспешно побрел, закинув руки за спину, в сторону Иисуса Христа. Рядом плелась Мири. Она совсем, видать, притомилась, Петр Иванович взял ее за руку.
— А твой Бог злой?
— Твой, мой — нет такого понятия. Бог, Мири, он один на всю хиву. У русских Христос, у индейцев Будда, у чурок Аллах. Тут главное вера.
Мири слушала без интереса.
— Ты мне про русское что-нибудь расскажи...
— Про русское? Про русское...
Петр Иванович вспомнил, как он решил сходить на Пасху в церковь. Пришел поздно, к вечеру. И глазам не поверил: не церковь — дискотека. В ограде парни податые, девки курят... Матерятся в голос. Вдруг топот. Казаки. Бабка рядом: "Арты-ты приехали!" Одного казака он узнал. Парторг бывший в ДРСУ-5. Он у него песок, гравий для фундамента брал слева-ка, без квитаций... Плюнул он тогда, ушел. Даже крестного хода не дождался.
— Значит, про русское. А ты совсем там не была, в России?
— Меня моя мама родила в Иерусалиме. Десять лет назад.
— Хм... А у меня прошлой осенью три козленочка родились непосредственно. Две ярочки и один барашек. Жили в ящике фруктовом, бумажкой я им там застлал. Когда они родились, я пленочку им с головы снял и посыпал солью...
— Зачем? — испуганно спросила Мири.
— А затем. Посыпал солью и дал козлят матери, козе, она соль лобит, она их вылизала до полного блеска. Барашка-то я на семена оставил, а ярочки...
— Где живут сейчас ярочки? — заподозрив неладное, спросила Мири и остановилась. — Ты их ел?
Петр Иванович понял, что влип.
— Упаси Господь, — соврал он. — Подарили там... соседке одной...
— А главную козу? Маму?
— Козу продал, — с облегчением сказал Петр Иванович, ибо козу он действительно продал в Можайске. — Отвез на рынок и продал.
Пройти сегодня, в неурочный день, крестным ходом собралась большая разношерстная группа. В основном японцы-христиане. Самолет у них задержался на сутки, и они не успели к пятнице, когда отцы-францисканцы устраивают шествие по Скорбному пути. В связи с этим экскурсия начнется не от Гефсиманского сада, а по укороченной программе. Экскурсовод по-английски извинился перед группой за японцев. Японцы тоже все время виновато кланялись.
Пройти крестным ходом стоило десять шекелей, по-нашему — три доллара. Петр Иванович заплатил положенное, за девочку вполночь и, покуривая, ожидал команды.
— Экскурсия им... — обратился экскурсовод к нему и тут же перешел на русский: — Можно вас?
Петр Иванович затушил папиросу и растерялся, все же Иисус Христос, а урны мусорной нет. Сунул окурок Мири: — Подержи.
Экскурсовод завел его в подосбуку, где давали напрокат кресты разного назначения, в человеческий рост, если не больше.
Петр Иванович подошел к крестам:
— Кипарис, по запаху чую.
— Кипарисовый быть не может, — возразил экскурсовод. — Кедровый, наверно, из Ливана?
— Кедровый тяжелее был бы в два раза. Кипарис, как отдалось... Вот этот думаю, сосна. Не наша сосна, но сосна. Советую его. Больше ничего брать не будем?
— А что еще? — удивился экскурсовод.
— Ну, венец там?
— Креста достаточно. Это ж символ.
Петр Иванович вышел из подосбуки. Подскочила Мири. — Крест руками не трог! — окоротил ее Петр Иванович. — Символ непосредственно.
— Ладис энд джентльмен! — загудел экскурсовод. — Виа Дolorоза...
— Не понял, — пробормотал Петр Иванович, поудобнее укладывая крест. — А я?
— Я тебе буду переводить, — дернула его за рукав Мири. — Будешь понимать.
Пошли. Той самой дорогой, которой Петр Иванович с Мири перли от Стены Плача — обратно, выходит. Те же лавки, та же небойкая торговля...
— Стой, — сказала ему Мири. — Кури.
Петр Иванович опустил крест на землю, вытер пот, достал "Беломор".
— Про что говорят?
— Здесь Иисуса били, когда он шел на Голгофу. Японцы воево шепкали фотоаппаратами. Жестами они вежливо просили позировать с крестом на плече. Петр Иванович, не вынимая папиросы изо рта, взвалил крест на плечо. Защелкали фотоаппараты.
Недалеке старый араб жарил шашлык, кебабы. Вентилятор раздувал угли. Готовое мясо шашлык укладывав в лепешки, добавлял зелень и соус. Кусок мяса съехал с шампура на землю. Араб поднял его, обдул и сунул в лепешку.
Петр Иванович протянул Мири деньги:
— Поди купи два шукки.
— Уже надо идти, — помотала головой девочка. — Потом еще будет.
Петр Иванович взвалил крест на другое плечо, бил шляпу с головы. Шляпа укатилась к часонке, где оказывается, бичевали Христа. С алтарной стороны светились мурные витражи. Пока Мири догоняла шляпу, Петр Иванович хотел узнать у экскурсовода про технологию изготовления витражей, но тот уже забарабанил по-английски. Вернувшись Мири, принесла шляпу. Петр Иванович повлек крест дальше.
Возле одной из четырнадцати станций — остановок на последнем мученическом пути Христа — у маленькой часовенки пацанята играли в футбол.
— Здесь ваш Христос упал первый раз, — прошептала Мири.
— Почему?
— Крест тяжелый несет. Он устал. Он идет на свою Голгофу.
— Где Голгофа?
Мири пожалала плечами.
— Мешаете, господа, — экскурсовод недовольно посмотрел на них. — Вопросы потом.
На следующей станции Петр Иванович курить уже не хотел — в горле пересохло. Он кивнул Мири: чего здесь?
— Ему пот вытерла проститутка.
— Мария Магдалина? — Петр Иванович сплгнул слюну.
— Нет, Вероника. Она на Голгофу идет.
Петр Иванович разочарованно вытер пот свободной рукой.
— Вероника какая-то... Магдалины мало?.. Голгофа где? Спроси у него, где Голгофа?
— А зачем ты его не спросишь, — испуганно прошептала девочка. — Он знает русский язык.
Петр Иванович дождался паузы.
— Извиняюсь, товарищ. Я, конечно, плохо знаю по религии. Я сам-то христианин. — В подтверждение своих слов он вытянул свободной рукой из-за ворота бечевку, на которой висел вид православный крест. Рядом с крестом болтался могодевид, подаренный ему Мири. Петр Иванович не свойственным ему суевильным движением захватил крест обратно. — Не в этом дело непосредственно... Я хотел...
— Ладис энд джентльмен...
— Нет, ты погоди! — Я тебя только спросить хотел, где Голгофа? Хожу, как пешка!..
Группа недовольно зашумела. Только японцы на всякий случай виновато улыбались, не забывая при этом щелкать фотоаппаратами. Экскурсовод что-то объяснял группе и, раздраженно жестикулируя, кивал в сторону Петра Ивановича.
— Ты руками-то не меси! — окрысился Петр Иванович, сглизывая каплю пота, дотекшую до рта. — Я сам месить умею. Где гора? Голгофа где?
— Собственно и нет никакой Голгофы, — меняя тон, сказал экскурсовод. — Легенда... Может, ее и вообще-то не было...
— Как не было? — опешил Петр Иванович. — И не будет?! А какого ж эта булабалайка таскаю, роду смеху?!
Он мощным движением плеча скинул тяжелый крест, крест с грохотом упал перед входом в монастырь.
— Полиц!, — посылались голоса из группы. — Полиц!..